

Симашенков Павел Дмитриевич

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена анализу нормативных и виктимологических аспектов квалификации половых преступлений. По мнению автора, нормативное регулирование ответственности за половые преступления не должно излишне дробиться на части и пункты; основная задача закона в этой сфере - безусловное осуждение насилия. В качестве положительных примеров (в компаративном ключе) анализируется дореволюционное и советское уголовное право. Выявляя технические дефекты в законодательстве, автор статьи предлагает сместить акценты с избыточного правотворчества на виктимологическую профилактику половой преступности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/5/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(67) С. 194-197. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 34(091)+343.6

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу нормативных и виктимологических аспектов квалификации половых преступлений. По мнению автора, нормативное регулирование ответственности за половые преступления не должно излишне дробиться на части и пункты; основная задача закона в этой сфере – безусловное осуждение насилия. В качестве положительных примеров (в компаративном ключе) анализируется дореволюционное и советское уголовное право. Выявляя технические дефекты в законодательстве, автор статьи предлагает сместить акценты с избыточного правотворчества на виктимологическую профилактику половой преступности.

Ключевые слова и фразы: половые преступления; юридическая техника; история права; уголовное право; педофилия; виктимология; профилактика.

Симашенков Павел Дмитриевич, к.и.н.

Международный институт рынка, г. Самара

pavel.simashenkov@yandex.ru

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Квалификация половых преступлений – одна из самых деликатных и потому самых сложных тем в уголовном праве. Регламентация ответственности за деликты на сексуальной почве – еще один пример того, как тщетны попытки обуздать животное начало в человеке лишь путем формальных ограничений. Подобно институту необходимой обороны [6, с. 147], ограничивающему инстинкт самосохранения, детальное регулирование государством полового инстинкта граждан заранее обречено на провал, если не подкреплено здоровыми и устойчивыми моральными установками в обществе. Ранний половой опыт приводит к быстрому «сексуальному выгоранию», пресыщению и, соответственно, желанию «встряхнуться», освежить сексуальные впечатления с неискушенными детьми. Так замыкается порочный круг «педофилии», центр которого – в извращенной системе полового просвещения и вульгарно трактуемом западном гедонизме («в жизни надо попробовать все»). Борьба с педофилами вот уже несколько лет держится в «горячих трендах» отечественной правовой политики [5, с. 48].

Проанализируем ключевые аспекты изменений в так называемом «антипедофильском» законодательстве. Даже беглый взгляд на конструкцию составов половых преступлений дает основания заявить: нормативная фиксация означенных деяний во все времена была несовершенной, т.к. дискуссионными являются абсолютно ВСЕ элементы состава. Объект – половая свобода и (особенно!) половая неприкосновенность – трактуется неоднозначно. Уголовное Уложение 1903 г. группирует половые преступления в гл. 27 – «О непотребстве» [7, с. 164-168], что тоже по-своему упрощает квалификацию за счет преодоления дилеммы мораль – право в пользу нравственных ориентиров общества. Современное понятие половой неприкосновенности звучит в духе западного стандарта прав человека, практически безотносительного к добру и злу, но весьма чувствительного к фактам «нарушения пространства», посягательств на личный суверенитет. Подобная пошловато-эгоцентрическая трактовка половой неприкосновенности, видимо, призвана обозначать девственность, нетронутость, в зависимости от ситуации – физиологическую или информационную (неосведомленность о нюансах половой жизни). УК РСФСР (1926 и 1960 гг.) [8; 9] обозначают эту тему точнее, объективнее и тактичнее, употребляя комплексный термин «половая зрелость». Хотя бы потому, что утверждение с использованием негативно-отрицающего термина («неприкосновенность») вызывает серьезные затруднения в квалификации: непонятно, что квалифицировать – отсутствие признаков или наличие их антипризнаков? А вот половая зрелость – пусть и оценочный, но все же более объективный и верифицируемый признак, чем субъективно воспринимаемая (потерпевшими? судьей?) неприкосновенность. Симптоматично, что условности в формулировке объекта половых преступлений вполне способны оправдать и провокации со стороны мнимых «потерпевших», шантажирующих случайных половых партнеров перспективами уголовной ответственности за якобы посягательство на «неприкосновенность».

Объективная сторона насильственно-половых преступлений, помимо умозрительного определения насилия, угрозы и беспомощного состояния, включает в себя субъективный критерий (сексуальный характер). Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 04.12.2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (далее – Постановление), по статьям 131 и 132 УК РФ квалифицируются деяния, совершенные «вопреки его (потерпевшего) воле и согласию и с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему лицу или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица» [3]. Следовательно, насилие и использование беспомощного состояния потерпевшего понимаются как отдельные от «вопреки воле и согласию» признаки (видимо, дополняющие). Естественно, квалификация от такого дробления не упрощается, ибо «против воли» – это всегда насилие, а «вопреки воле» – использование беспомощного состояния. Постановление же предусматривает возможность приневолить потерпевшего каким-либо иным способом, не обозначая оно. Как видим, вместо фиксирования внимания на собственно насилии Пленум ВС РФ предлагает сосредоточиться на философствовании относительно возможностей парализовать волю потерпевшего. Сексуальный мотив значения не имеет (п. 1 Постановления [Там же]), но сексуальный характер – подчёркивается (формулировка

ст. 132-134 УК РФ [10]). Заметим, что советские УК 1926 г. (ст. 153) и 1960 г. (ст. 117) формулировали указанный комплекс признаков более емко и точно: с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием (путем обмана) беспомощного состояния потерпевшего. Субъективная сторона является весьма спорной благодаря отсутствию прямого указания на сексуальный мотив в качестве обязательного признака (наоборот, в том же п. 1 Постановления прямо указано, что мотив для квалификации значения не имеет). В ст. 133 УК РФ [Там же] говорится о понуждении к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера (перечень вариантов), в то время как УК РСФСР 1926 г. (ст. 154) [8] говорит о том же гораздо корrekтнее: понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме. В последнем случае сексуальный мотив «удовлетворения страсти» – обязательный признак субъективной стороны: за корrekтность приходится платить известными трудностями в доказательстве наличия мотива. Очевидно, действующее законодательство пошло по пути упрощения квалификации, сконцентрировавшись более на формах понуждения (шантаж, угрозы), чем на исходном побудительном моменте. Это еще раз доказывает сложность и многогранность субъективной стороны половых преступлений, где инстинкты могут вполне ужиться с низменно-рациональной мотивацией (месть, унижение). При всем этом ясно одно – немотивированными сексуальные деликты не бывают. Признаки субъекта половых преступлений – возраст и вменяемость (а в ст. 131 УК РФ – ещё и половая принадлежность) – также порождают многочисленные дискуссии, поскольку вопросы диагностики психических расстройств и репродуктивной способности относятся к компетенции судебно-психиатрической и судебно-медицинской экспертиз. Особенно актуален этот вопрос применительно к диагностике педофилии.

Итак, мы убедились в изначально имманентном несовершенстве конструктивных признаков составов секс-преступлений. Увы, развитие отечественного уголовного права отнюдь не способствует прояснению ситуации. В действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве нами обнаружены дефекты юридической техники, способные существенно осложнить как процесс квалификации половых преступлений, так и привлечение виновных к ответственности. В частности, недостижение 12-летнего возраста считается беспомощным состоянием (примеч. к ст. 131 УК РФ). В п. 5 Постановления [3] возраст как признак беспомощного состояния (малолетнее, престарелое лицо) истолкован расширительно. Следовательно, до 12 лет беспомощное состояние бесспорно, с 12 до 14, а также в престарелом возрасте – оценочно. Применительно к насилию понятие угрозы мыслится излишне узко и сумбурно: «угроза явилась средством преодоления сопротивления» (п. 3 Постановления). В результате объективное «средство» может подействовать (блокировать сопротивление потерпевшего), но насильнику достаточно сказать о несвязанности угрозы с сексуальным посягательством, чтобы существенно повысить шансы избежать ответственности. Судам предписано «по возможности избегать излишней детализации способов совершения преступлений» (п. 24 Постановления), в то время как структурообразующим элементом состава предписано считать именно способ преступления (причем сношение, мужеложство и лесбиянство прямо прописаны в законе, будто это меню услуг дома терпимости).

Подчеркнем: составы статей 131 и 132 УК РФ идентичны по конструкции, отличие – лишь в формах сексуальной активности, что противоречит «ограничению детализации», применению уголовного закона по аналогии и просто против здравого смысла. Более того, субъект преступления по ст. 131 – лицо мужского пола, по ст. 132 – обоих полов. Таким образом, под половым сношением (ст. 131 УК РФ) законодатель понимает исключительно фалло-вагинальную пенаетрацию, а все остальные проявления секс-фантазии по остаточному принципу именуется «действиями сексуального характера». Итак, признак насилия ограничивается, а перечень вариантов сексуального контакта – расширяется. Важно отметить: подобное уточнение «сношения» – досадная ошибка именно действующего кодекса; в УК РСФСР 1926 г. (ст. 154-2) и 1960 г. (ст. 121) мужеложство также называется сношением (мужчины с мужчиной) [8; 9]. Следовательно, УК РФ проявляет в данном вопросе не просто неоправданную, а скудоумную мелочность, смакуя непристойные нюансы объективной стороны. И если в советском уголовном праве последовательно разрабатывалась модель изнасилования как сложного составного преступления (что особенно важно при квалификации групповых преступлений и эксцесса исполнителя), то ныне внимание приковано скорее к ассортименту проникновений и выполнимости угроз. То же – и с перечнем квалифицирующих признаков. В ст. 131 (аналогично – в ст. 132) пять частей и семь пунктов, благодаря чему эти нормы похожи на своего рода прайс-лист, где цена вопроса увеличивается с каждой частью, а повышение возраста потерпевших обратно пропорционально ужесточению наказания согласно градации 12+, 14+, 16+. Больше квалифицирующих признаков – больше условностей, больше оговорок в безоговорочном осуждении насилия. Как такое обилие условностей может сочетаться с нормами морали [1, с. 15], где сексуальное насилие – безусловно преступно? В статьях УК РФ смысловой акцент смещен с насилия на конкретный способ удовлетворения полового влечения. В старых кодексах такого не было [2, с. 7]. Не следует ли обратиться к отечественному опыту и припомнить те же советские УК, где похожие статьи состояли из одной-двух частей (максимум – 3 части в ст. 117 УК 1960 г.) и где «действия, сопряженные с удовлетворением половой страсти в извращенных формах» (ч. 2 ст. 119 УК 1960 г.), квалифицировались применительно лишь к потерпевшему, не достигшему половой зрелости? Нам представляется, что старая формулировка вернее и глубже отражает суть того, что сейчас модно обзывать «педофилией». А именно – не столько психическое расстройство, сколько расстройство социальное, своеобразный «менеджмент насилия», где сокращение издержек на сопротивление приводит к надругательству над беззащитными под предлогом их «полового просвещения». Выходит, что идеологизированность УК РСФСР во многом оправданна. Как показывает печальный опыт постсоветской России, в примитивно-эксплуататорском обществе ресурсом (и объектом продажи) считается абсолютно все. Торгуют брендами политических

партий, покупают футболистов, продают интимные фотографии. Значит, и сексуальная эксплуатация детей – всего лишь одна из жутких реалий «звериного облика капитализма».

Таким образом, действующий пакет «антипедофильского законодательства» представляет собой гремучую смесь терминологической путаницы, экспрессивной лексики и отчаянного псевдоюридического популизма. Американская прецедентная практика искривляется в зазеркалье думского бездумья, преображаясь в совершенно немыслимые запреты, суть которых – сделать экстраординарные, вопиющие эпизоды надругательства над личностью типовым правоотношением. Отметим: принцип «разрешено все, что не запрещено» лучше реализуется именно в прецедентных координатах; в отечественной правовой системе постоянно приходится кроить заплатки запретов, коль скоро нормы права в России издревле пишутся для того, чтобы их обходить [4, с. 32]. Российский менталитет склонен безусловно принимать западную юридическую условность, почитая ее за панацею. Западное правосознание, наоборот, предпочитает любую безусловность трактовать условно, ориентируясь на профессионализм конкретного судьи. Расширяя перечень запрещенных в РФ форм половой активности, законодатели, видимо, не учли, что главный координатор половой активности человека – его головной мозг, тогда как думцы привычно зрят ниже пояса, где у виновных располагается «орудие» половых преступлений, а у потерпевших – «место происшествия». Такой мелочно-скрупулезный подход особенно ярко контрастирует с тем, что в РФ власть пытается бороться с педофилами, не озабочиваясь нормативным определением этого явления (болезни, расстройства). Напрашивается аналогия с еще одной законотворческой забавой – ужесточением ответственности за коррупционные правонарушения, признаки которых не проясняются ни в законах, ни в подзаконных актах.

Мы убеждены: общественная опасность анализируемой группы преступлений – не столько в приобщении граждан к извращениям «на один оттенок больше», сколько именно в посягательстве на личность и свободу человека решать вопрос половых отношений по своему усмотрению. Насильники и растлители опасны именно тем, что заставляют потерпевших вспомнить о животном начале в человеке, которое, порой вопреки его воле, может инстинктивно даже «приветствовать» принудительный половой контакт. Вся грязь сексуального насилия (и физического, и психического, и развратно-«информационного») – именно в том, что личность унижают, опускают до скотского состояния. Вот почему высокопрофессиональные специалисты говорят о практической невозможности полной психологической реабилитации жертв половых преступлений. Вот отчего осуждение государством и обществом сексуального насилия должно быть безусловным и не дробиться на частные пункты статей. По нашему мнению, в качестве структурообразующей характеристики сексуальной преступности следует выделить виктимологическую составляющую (личностный тип виктимности). Сексуальная виктимизация или девиктимизация общества напрямую согласованы с ростом или снижением сексуальной девиантности внутри популяции; по распространенности «отклоненной» сексуальности можно судить об уровнях сексуальной виктимности.

Мы полагаем: для повышения эффективности помощи потерпевшим от сексуального насилия, вплоть до поддержания процедуры обвинения в суде, а также для реабилитации лиц, склонных к насилию и противоправным действиям, необходимо создание медико-правовых Центров профилактики насилия и комплексной помощи жертвам сексуальной эксплуатации с привлечением на постоянной и консультативной основе юристов, специалистов в области различных медицинских направлений (судебные медики, гинекологи, психиатры, венерологи и др.), а также психологов, социальных работников, педагогов. Таким образом, обращение к виктимологическим возможностям профилактики сексуального насилия ставит вопрос о необходимости решения различных проблем организационного характера, и прежде всего: совершенствования подготовки кадров, специализированных по виктимологии; обеспечения отдельных категорий лиц с повышенной виктимностью средствами защиты; изыскания новых, более эффективных форм взаимодействия с населением.

Список литературы

1. Демидова Е. И., Захаров А. В., Ефимова Е. А. Роль семьи в модернизации современного российского общества // Власть. 2015. № 8. С. 13-21.
2. Карнишин В. Ю. Модернизация и российское общество в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 3-8.
3. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 г. № 16. URL: <http://rg.ru/2014/12/12/plenum-dok.html> (дата обращения: 26.03.2016).
4. Симашенков П. Д. Деятельность органов власти по укреплению морального духа офицеров русской армии в межвоенное десятилетие (1905-1914 гг.). М. – Берлин, 2015. 181 с.
5. Симашенков П. Д. Меритократия в кадровой политике России: исторические уроки [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. № 11. С. 46-50. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15384.htm> (дата обращения: 19.04.2016).
6. Симашенков П. Д. Необходимая оборона как конфликт интересов: исторический опыт и новые подходы к квалификации [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. № 6. С. 146-150. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15202.htm> (дата обращения: 19.04.2016).
7. Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб., 1903. 396 с.
8. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года (с изменениями по состоянию на 1 марта 1957 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 26.03.2016).
9. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г., ред. от 30.07.1996 г. М., 1996. 252 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 26.03.2016).

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR SEXUAL CRIMES: HISTORICAL-LEGAL AND VICTIMOLOGICAL ASPECTS

Simashenkov Pavel Dmitrievich, Ph. D. in History
International Market Institute in Samara
pavel.simashenkov@yandex.ru

The article is devoted to analyzing the normative and victimological aspects of sexual crimes qualification. According to the author, the normative regulation of responsibility for sexual crimes shouldn't be excessively subdivided into parts and paragraphs; the basic task of law in this sphere is the unconditional condemnation of violence. As positive examples (in the comparative aspect) the paper analyzes the pre-revolutionary and Soviet criminal law. Identifying technical defects in the legislation, the author proposes to shift the focus from excessive lawmaking to the victimological prevention of sexual criminality.

Key words and phrases: sexual crimes; juridical technique; history of law; criminal law; pedophilia; victimology; prevention.

УДК 101.1:316; 37.012.1

Философские науки

В России модернизация социального института образования вызвала не только структурные, но и инструментальные изменения. Стихийное применение информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе и отсутствие единого терминологического аппарата обусловили недопонимание сущности новых инструментов обучения. Различия трактовок, путаница в категориях создают помехи в современном образовательном процессе. Автор, опираясь на труды западных ученых и российское законодательство, отражает разницу в понятиях.

Ключевые слова и фразы: модернизация; российское общество; социальный институт образования; сетевое обучение; дистанционные технологии.

Соколова Анастасия Сергеевна

Башкирский государственный университет
mail@rastudent.ru

СЕТЕВОЕ И ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РАЗЛИЧИЕ ПОНЯТИЙ

В современной России одним из основных направлений модернизации социального института образования является изменение форм, технологий и инструментов обучения. Информатизация социальной сферы российского общества способствовала введению новых форм и технологий обучения, переносу образовательного процесса в виртуальную среду, в которой взаимодействия территориально удаленных участников происходят опосредованно.

Обучение – это целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и т.д. [4].

Наш исследовательский интерес сосредоточен на уточнении понимания сетевого и дистанционного обучения, выделении их различий. В настоящее время эти понятия часто применяются в качестве синонимов. Данное обстоятельство связано, во-первых, с использованием заимствованных англоязычных терминов, и, во-вторых, с не устоявшимся до сих пор понятийным аппаратом в современном российском образовании.

Сначала обратимся к выводам западных исследователей сетевого обучения. Маргарет Ризль и Линда Харасим еще в 1994 г. рассматривали сетевое обучение (*network learning*) с двух позиций: 1) как совместное сетевое обучение (*collaborative network learning*) и 2) как информационный сетевой доступ (*information network access*) [12, р. 91]. Подчеркивалась особенность взаимодействия участников процесса обучения и указывалось на обязательное наличие информационной среды, к которой происходит совместный доступ обучающихся в образовательных целях.

Другими западными мыслителями (А. К. Герлак, Т. Хейккила и др.) сетевое обучение рассматривалось как коллективное и непрерывное [8, р. 619]. В основе такого обучения заложены принципы сетевой связанности, равных возможностей, совместного доступа и получения информации, взаимного обмена знаниями, решения общих задач и т.п. Сетевое обучение здесь выступает формой и способом организации процесса приобретения знания. Поэтому целесообразно говорить о сетевой форме обучения.

Сетевая форма обучения изначально использовалась корпоративными участниками – коммерческими компаниями и предприятиями, имеющими международную сеть филиалов. Компании применяли сетевую форму для коллективного обучения территориально удаленных сотрудников. Так, Л. Кнайт акцентировал внимание на необходимости создания межорганизационных сетей корпоративного обучения для достижения общих целей предприятия. Кнайт указал на то, что в сетевом обучении обязательным компонентом является учебный эпизод (*learning episode*), называемый в дальнейшем учебным модулем [10, р. 427].